

О. А. СВЕТЛОВА

Новосибирская государственная консерватория (академия)

им. М. И. Глинки

УДК 783:271.2

ОСОБЕННОСТИ УСТНОЙ ТРАДИЦИИ БОГОСЛУЖЕБНОГО ПЕНИЯ В ОБЩИНЕ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ СТАРООБРЯДЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ Г. ТОМСКА

Одним из актуальных направлений отечественной музыкальной медиевистики стало изучение старообрядческой культуры. Начиная с последней четверти XX века, оно прочно вошло в современное музыковедение и сосредоточилось главным образом в тех регионах, где сохранились и продолжают бытовать певческие традиции русского старообрядчества. Важное место среди них занимает Сибирь. Несмотря на пристальное внимание археографов, историков, этнографов, филологов, а позднее и музыковедов к сибирскому старообрядчеству¹, каждое новое исследование в этой области обнаруживает массу «белых пятен». Не теряют своей актуальности вопросы богослужбной певческой практики, в частности, характер преемственности и степень сохранности устной и письменной традиции в каждой конкретной общине.

Из целого ряда существующих в настоящее время центров сибирской старообрядческой культуры до сих пор не получила должного освещения певческая практика общины Русской Православной Старообрядческой Церкви (далее – РПСЦ) одного из старейших сибирских городов – Томска. В области истории томского старообрядчества наиболее авторитетными учёными являются кандидаты исторических наук Л. Н. Приль (Центр документации новейшей истории Томской области, Томск) и Н. А. Старухин (Институт истории СО РАН, Новосибирск). В музыковедении, однако, вопрос о певческой традиции томской общины остаётся открытым.

Автору статьи удалось присутствовать на богослужении одному из самых почитаемых у томского старообрядчества святому – священномученику и исповеднику Тихону, епископу Томско-Алтайскому, и Чтениях, посвящённых 100-летию преставления сибирского подвижника игумена Феофилакта², которые проходили 15–16 декабря 2012 года в церкви во имя Успения Пресвятыя Богородицы общины РПСЦ Томска. Уникальность деревянного храма, построенного в 1913 году в период «золотого века старообрядчества», заключается в том, что он, единственный в Сибири, уцелел в годы богоборчества. С 1899 года храм был центром Томско-

Алтайской епархии, возникшей в результате разделения единой Пермско-Тобольской и всея Сибири епархии на Пермскую и Томскую епископии. В нём неоднократно проходили хиротонии. Так, в 1920 году был рукоположен епископ Тихон (Трифон Григорьевич Сухов, 1880–1937), благодаря активной деятельности которого епархия значительно укрепилась, что впоследствии привело к образованию из неё двух самостоятельных (Томской и Алтайской). При нём были возобновлены епархиальные съезды, учреждён журнал «Сибирский старообрядец», издававшийся в Барнауле, организованы религиозно-просветительские братства, «коим вменялось следить за *правильностью чтения и пения* [курсив мой. – О. С.], благочинием во время Богослужения, точным исполнением обычаев, принятых в Церкви» [1, с. 16]. Также в 1925–1926 гг. епископом поддерживалась временно вдовствующая Дальневосточная епархия. В 1933 году владыка был осуждён на заключение в г. Свободный, а в 1937 году ему был вынесен приговор о высшей мере наказания [5].

В 2003 году епископ Тихон канонизирован на Освященном соборе РПСЦ как местночтимый святой. Икону его написал митрополит Московский и всея Руси Андриан (Четвергов). В церковном календаре память подвижника отмечена в день мученической кончины 15 декабря, которая «промыслительно совпала с памятью протопопы огнеопальной ревности Аввакума. Оба ратоборца родились в Нижегородских пределах, в пределах же сибирских исповедание веры совершали, и предпочли смерть о благочинии “вкусити”, нежели отступить от него» [1, с. 18]. По решению Собора служба святому совершается по Общей минее и по новосоставленному Канону.

В 2012 году служба епископу Тихону проходила «в неделю» (Всенощное бдение в субботу, Литургия в воскресенье) в период предпразднования Рождества Христова. Богослужение совершали протоиерей Геннадий Коробейников, отец Николай Коробейников, правым ликом руководил уставщик Александр Васильев, левым – брат отца Николая Василий.

Многобразные певческие формы томской службы явно преобладают над читаемыми текстами. Как отметил в беседе отец Николай, «на службе стараемся всё петь. Даже на литии поём. Если очень много [минейных текстов] надо читать, стараемся всё на малой вечерне вычитать, чтобы литию всю пропеть. И догматик по крюкам всегда поём»³. Крюковой текст воспроизводится клирошанами точно, без ошибок и разночтений. Октавная (или двухоктавная) монодия женских и мужских голосов звучит достаточно слаженно, независимо от антифонного или общехорового способов пения, что говорит о высоком уровне профессиональной грамотности томских староверов и свободном владении ими знаменным пением в его письменной традиции⁴.

В сравнении с точной реализацией невменных песнопений, устные формы пения отличаются определённой вариативностью относительно канонического образца. Многие интонационно-стилистические изменения песнопений происходят в результате сильного влияния устной традиции. В общине ярко выражено пение наизусть, как говорят сами старообрядцы, «напевкой». Устойчивое пение по памяти «своей» привычной версии образца может порождать в контексте богослужения до нескольких вариантов прочтения одной и той же мелодической модели. Сравнительный анализ синлабических песнопений службы священномученику и исповеднику Тихону и нотированных крюковых образцов⁵ позволяет выявить степень их соответствия. Обратимся к примерам.

В микроцикле стихир на Господи возвах на подобен 1 гласа «Прехвальны мученицы» устно распеваются три общеинейные стихирные дважды – попеременно правым и левым ликами. В целом структура девятистрочного подобна сохранена, хотя в зависимости от меньшего количества строк в стихирах святому она подвергается сокращению с выпадением предфинальной строки. Композиция подобна может быть выражена последовательностью 1-А, 2-В, 3-С, 4-Д, 5-С1, 6-Д1, 7-С2, 8-Д2, 9-F, в которой цифры обозначают порядковый номер строки, буквы – мелодическую формульность (А, В – инициальные строки песнопения, С, Д – чередующиеся срединные строки с вариантами, зависимыми от слогового состава текстовой строки, F – финальная строка).

Определяющими для формульности строки являются начальный и каденционный обороты, а также срединный участок с речитацией на одном тоне (в примерах обозначен перечёркнутой нотой), который может и отсутствовать. Сравнительная партитура двух устных вариантов стихир «Богомудре блаженне Тихоне» в исполнении левого и правого ликов и образца подобна [2, л. 10] обнаруживает ряд отклонений от письменной модели (пример № 1, в котором по вертикали литера «О» означает пись-

менный образец подобна, римские цифры – устные версии правого (I) и левого (II) ликов, транспонированные на высоту невменного образца). К ним относятся: несовпадение срединного тона речитации (строки 3, 4) или начального оборота (строки 1, 4, 5, 8), ритмическое варьирование при распеве слога перед каденционным участком (строки 3, 5, 8, 9), введение отсутствующего в образце тона перед окончанием строки (3, 5). Наиболее стабильными по отношению к письменному оригиналу являются каденционные обороты строк, выступающие мелодическими маркерами гласовых формул подобна 1 гласа.

Пример № 1 Сравнительная партитура стихир и подобна 1 гласа

Три стихирные на хвалитех священномученику Тихону, распеваемые на десятистрочный, довольно сложный по формульности подобен 4 гласа «Дал еси знамение» [2, л. 11, об.], в мелодико-ритмическом отношении представляют ещё более далёкие от образца варианты, в которых изменены не только начальные мотивы и тоны речитации, но даже каденционные обороты, при сохранении конечного тона строки (пример № 2, в котором цифры соответствуют устным версиям фрагментов первой стихирной в исполнении левого лика, второй стихирной правого лика, третьей стихирной левого лика). Помимо вариативности одних и тех же строк трёх песнопений, во второй и третьей стихирах наблюдается расслоение монодийной фактуры на два пласта.

Незначительные, единичные, случайно возникающие моменты звуковысотного расслоения мелодической линии песнопения, образующие полипластовую фактуру, не противоречат монодийной певческой культуре старообрядчества. И всё же

Пример № 2 Сравнительная партитура фрагментов стихир и подобна 4 гласа (строки 2, 3, 5, 7)

грамотные уставщики и певчие стараются их избежать и добиться «ровного унисона». Для этого в общине перед воскресными и праздничными службами обычно проводятся спевки, на которых хор репетирует песнопения по крюкам. Однако системное присутствие участков фактурно-мелодической полипластовости в хоровых песнопениях, исполняемых устно, уже позволяет говорить об особенностях локальной певческой традиции. В службе томского прихода такие фрагменты довольно часто возникают в стихирах на самогласен. В сохранённом мелодическом остове самогласного образца изменения приходится на некоторые начальные и каденционные обороты строк (пример № 3).

Пример № 3 Фрагменты стихир с расслоением мелодической линии

а) стихира на стиховне священномученику, глас 6. Окончания строк 4, 6

б) стихира на стиховне воскресная, глас 3. Окончание строки 4

в) стихира на хвалитех воскресная, глас 3. Окончания строк 1, 3, 5

г) стихира священномученику Тихону, глас 8. Начало строки 5

д) стихира на стиховне воскресная, глас 3. Начало строки 2

Из других жанров устной традиции аналогичными фрагментами изобилуют синлабические песнопения, основанные на формульной погласице. Наиболее показательные примеры – Песнь Великого входа «Свете тихии», Песнь Пресвятой Богородицы «Величит душа моя Господа» (пример № 4), стихи которой поются антифонно, по Уставу первый стих начинает запевать правый лик. Именно в его исполнении нечётных стихов отчётливо проявляется расслоение мелодической линии, причём ясно различим тембр уставщика Александра, ведущего «нижний голос».

Рассматриваемое фактурно-мелодическое явление свойственно стабильно исполняемым на богослужениях песнопениям воскресного цикла и стихирам. Следовательно, оно не может быть результатом неточного, неверного или неграмотного пения (о знании письменной традиции певчими говорилось выше). Вероятнее всего, причины здесь состоят именно в сохраняемой устной традиции

Пример № 4 Фрагменты Песни Пресвятой Богородицы а) стихи 1 (полностью), 3 и 5 (окончания) в исполнении правого лика

б) варианты запевов «Честнейшую Херувим»

томской общины, объединившей разные локальные напевки. О расхождении в пении говорят сами старообрядцы. Из информации, полученной в ходе бесед с отцом Николаем и уставщиком Александром⁶, выяснились интересные факты, имеющие значение для понимания современного состояния локальной традиции. Александр Васильев окончил школу в Молдавии, жил в Украине, приехал в Томск в 1980 году и стал руководить клиросом. Пению он учился в Украине, «где самоучкой, где как. Две недельки учился, а там само пение пошло». «Когда сюда приехал, тут мало кто знал по крюкам. Старенькие не все знали подобны». «Одни старушки были, молодёжи не было, ведь гонения ещё были». Александр скромно сказал, что «мало

обучал» пению по крюкам. На правом клиросе тогда пением руководила «матушка Геляра [Ангеляра Филиппова], владыки Тихона дочь». [Пели напевкой – то, что наизусть, без крюков. На Украине тоже всё напевкой пели, но там совсем другая напевка, не такая, как здесь] [курсив мой. – О. С.]. По крюкам мало пели. В городах то пели, а мы в деревне – напевкой» (речь идёт о селе Большое Плоское Одесской области, где жил Александр). Николай Коробейников приехал в Томск в 1984 году. По его словам, они с братом Василием учились пению от матери, которая была родом из Новосибирска, а «маму учили инокини, которые сбежали из разорённых миасских монастырей»⁷.

Таким образом, в качестве гипотезы высказываем мысль о присутствии в современной устной культуре богослужебного пения томской церкви элементов вышеназванных локальных традиций в рамках одной конфессиональной группы: сельской украинской (Одесской области), представителем которой является уставщик Александр, монастырской миасской, унаследованной от матери отцом Николаем и его братом уставщиком, и сохранённой в общине собственной, томской. Пение по напевке, по памяти, сформированное у прихожан разных общин в юном возрасте по мере обретения певческого опыта, становится своеобразной устной моделью, фиксированным образцом, который в условиях нового культурного пространства, безусловно, подвергается трансформации, «приспосабливается» к местной традиции, сохраняя при этом знаковые отличительные черты. Подтверждением тому служат многочисленные примеры мелодического «несовпадения» устных вариантов песнопений.

Томская напевка обнаруживает себя в контексте богослужебной певческой традиции сибирских общин. Она придаёт индивидуальный мелодический облик целому ряду церковных песнопений, таких как «Свете тихии», Символ веры, тропари «Ангельский

Пример № 5

«Отче наш»
в томской устной версии

собор», «Отче наш». В качестве примера приведём роспев «Отче наш» томской версии (Пример № 5).

Итак, благодаря именно устной традиции богослужебное пение в томской общине РПСЦ обладает своей особой спецификой в контексте единой сибирской культуры белокриницкого старообрядчества. Она обусловлена такими основными факторами, как устойчивое бытование принятых устных версий песнопений, ставших самостоятельным образцом, вариантность трактовки устного образца в рамках певческого канона, органичное сосуществование в единой томской традиции локальных элементов певческой культуры, имеющих различные истоки, стабильный характер преемственности устной и письменной традиций. Совокупность перечисленных качеств может быть в самом широком смысле обозначена как «томская напевка», изучение которой открывает перспективы дальнейших исследований в сибирской музыкальной медиэвистике.

PRIMEЧАНИЯ

¹ Следует в первую очередь назвать таких исследователей, как В. Б. Павлов-Сильванский, А. И. Рогов, академик М. Н. Тихомиров, Е. И. Дергачёва-Скоп, В. Н. Алексеев, Н. Н. Покровский, Е. К. Ромодановская, музыковеды А. Н. Кручинина, Б. А. Шиндин, Т. Г. Казанцева, Н. С. Мурашова и др.

² Игумен Феофилакт (Савкин) вошёл в историю сибирского старообрядчества как основоположник скитско-монастырского движения (с 1875), основатель мужского Михаило-Архангельского монастыря (1882), Ново-Архангельского скита (1906), молитвенного дома в Томске. См.: [1; 4].

³ Следует заметить, что этим богослужебное пение томской общины заметно отличается от других сибирских белокриницких общин, где на службе стихиры раздела литии, как правило, вычитываются. Догматик Богородичен в РПСЦ г. Новосибирска по сложившейся традиции поётся на самогласен.

⁴ Теоретические и практические знания передаются молодому поколению во время обучения в воскресной школе общины и непосредственно в процессе богослужения. Некоторые поющие на клиросе входят в состав Хора певчих старообрядческих приходов Сибири (Новосибирска, Томска, Барнаула, Новокузнецка), организованного в новосибирской общине РПСЦ под руководством уставщика А. Н. Емельянова.

⁵ Расшифровка песнопений и нотировка крюкового текста выполнена автором статьи.

⁶ Из интервью с отцом Николаем Коробейниковым и уставщиком Александром Васильевым. Аудиозапись 15 декабря 2012 г.: стенограмма.

⁷ Миасс – город в Челябинской области. Миасские монастыри и скиты имели огромное значение для урало-сибирского старообрядческого движения. Данная тема отражена в работах Л. Н. Приль. См.: [3; 6].

ЛИТЕРАТУРА

1. Житие священномученика и исповедника Тихона, епископа Томско-Алтайского // Канон священномученику и исповеднику Тихону епископу Томско-Алтайскому. Томск, 2007. С. 10–19.
2. Обиход церковного знаменного пения. Киев: Знаменное пение, 1909. 144 л.
3. Приль Л. Н. Жизненное пространство староверов Среднего Приобья: женские стратегии освоения // Этнография Алтая и сопредельных территорий: мат. междунар. науч. конф. / под ред. Т. К. Щегловой, И. В. Октябрьской. Барнаул: БГПУ, 2008. Вып. 7. С. 479–484.
4. Приль Л. Н. История томского старообрядчества: епископы и обители // Территория согласия: журнал о жизни народов Томской области. 2006. № 1 (10). С. 46–48.
5. Старухин Н. А. Новые источники по истории белокрыничских общин Томско-Алтайской епархии // Общественное сознание населения России по отечественным нарративным источникам XVI–XX вв. Новосибирск, 2006. С. 262–281.
6. Приль Л. Н. После ликвидации Никольского монастыря: история миасской женской общины в Нарымском крае // Старообрядческое подмосковье. История поисков и находок. М., 2009. URL: <http://www.genealogy-kzn.ru/monastiri-na-shudelke/> (дата обращения: 17.06.2013).

REFERENCES

1. Zhitie svyashchennomuchenika i ispovednika Tikhona, episkopa Tomsko-Altayskogo [The Life of the Martyr and Confessor Tikhon, Bishop of Tomsk and Altai]. *Kanon svyashchennomucheniku i ispovedniku Tikhonu episkopu Tomsko-Altayskomu* [The Canon to the Martyr and Confessor Tikhon, Bishop of Tomsk and Altai]. Tomsk, 2007, pp. 10–19.
2. *Obikhod tserkovnago znamennago peniya* [The Book of Church Znamenny Singing]. Kiev: Znamennoe Penie Press, 1909, 144 p.
3. Pril' L. N. Zhiznennoe prostranstvo staroverov Srednego Priob'ya: zhenskie strategii osvoeniya [The Living Space of the Old Believers from the Middle Ob Region: the Women's Strategies for Mastery]. *Etnografiya Altaya i sopredel'nykh territoriy: materialy mezhdunar. nauch. konf.* [The Ethnography of the Altai Region and the Adjacent Regions: Proceedings of the International Conference]. Issue 7. Ed. T. K. Shcheglova, I. V. Oktyabr'skaya. Barnaul: Barnaul State Pedagogical University, 2008, pp. 479–484.
4. Pril' L. N. Istoriya tomского староobryadchestva: episkopy i obiteli [The History of the Tomsk Community of Old Believers: Bishops and Monasteries]. *Territoriya soglasiya. Zhurnal o zhizni narodov Tomskoy oblasti* [The Area of Consent. Journal about Life of the Peoples of the Tomsk Region], 2006, no. 1 (10), pp. 46–48.
5. Starukhin N. A. Novye istochniki po istorii belokrinitskikh obshchin Tomsko-Altayskoy eparkhii [New Sources of the History of the Belokrinitsky Communities of the Tomsk and Altai Diocese]. *Obshchestvennoe soznanie naseleniya Rossii po otechestvennym narrativnym istochnikam XVI–XX vv.* [The Social Consciousness of the Population of Russia according to the National Narrative Sources of the 16th – 20th Centuries]. Novosibirsk, 2006, pp. 262–281.
6. Pril' L. N. Posle likvidatsii Nikol'skogo monastyr'ya: istoriya miasskoy zhenskoy obshchiny v Narymskom krae [After the Destruction of the Monastery of St. Nicholas: History of the Women's Community of Myass in the Narymsk Province]. *Staroobryadcheskoe podmoskov'e. Istoriya poiskov i nakhodok* [The Old Believers in the Suburbs of Moscow. History of Search and Discoveries]. Moscow, 2009. URL: <http://www.genealogy-kzn.ru/monastiri-na-shudelke/> (17.06.2013).

Особенности устной традиции богослужебного пения в общине Русской православной старообрядческой церкви г. Томска

Работа находится в русле одного из актуальных направлений российской музыкальной медиэвистики, связанной с изучением богослужебной певческой культуры сибирского старообрядчества, преемственности и степени сохранности письменной и устной традиции. Объектом исследования является певческая практика общины Русской православной старообрядческой церкви г. Томска. Материал – песнопения службы старообрядческому святому священномученику и исповеднику Тихону, епископу Томско-Алтайскому – записан автором статьи в 2012 г.

Анализ сравнительных партитур силлабических песнопений и нотированных крюковых образцов, устных вариантов роспевов позволил выявить ряд специфических черт томской локальной традиции. Многообразные певческие формы на службе преобладают над читаемыми текстами. В сравнении с точным воспроизведением невменных песнопений, свидетельствующим о высоком уровне профессиональной грамотности певчих, устные формы пения отличаются вариативностью относительно канонического образца. Многие интонационно-стилистические изменения песнопений происходят в результате сильного влияния напевки. Устой-

чивое пение по памяти «своей» привычной версии образца порождает в контексте богослужения несколько вариантов прочтения одной и той же монодийной модели. В хоровых песнопениях, исполняемых напевкой (на формульной погласице «Свете тихии», «Величит душа моя Господа», стихирах на самогласен и др.), обнаружено системное присутствие участков фактурно-мелодической полипластовости. Выяснение генезиса томской певческой традиции позволило высказать гипотезу об объединении в ней разных локальных истоков в рамках одной конфессиональной группы: села Большое Плоское Одесской области, миасских женских монастырей и сохранённой собственной, томской.

Совокупность выявленных качеств в самом широком смысле обозначена как «томская напевка», изучение которой открывает перспективы дальнейших исследований в сибирской музыкальной медиэвистике.

Ключевые слова. Сибирское старообрядчество, Русская православная старообрядческая церковь города Томска, богослужебное пение, устная локальная певческая традиция, напевка

**Individual Features of an Oral Tradition of Liturgical Service in the Community
of the Russian Orthodox Christian Old-Believers' Church in Tomsk**

The article pertains to one of the relevant directions in the studies of Russian medieval music, connected with the research of the liturgical church singing culture of the Old-Believers of Siberia, the continuity and the level of preservation of the notated and oral tradition. The object of the research is the church singing practice of the community of the Russian Orthodox Christian Old-Believers' Church in Tomsk. It is focused on the chants of the service to the Old-Believers' saint, martyr and confessor Tikhon, the Bishop of Tomsk and the Altai Region, which were written down by the author of the article in 2012. The analysis of the comparative scores of the syllabic chants and the specimens of the early Russian "kryukovye" or hooked notation, as well as the orally disseminated versions made it possible to reveal a whole set of specific features of the Tomsk local musical tradition. The diverse forms of chants at the church service predominate over the read texts. In comparison with the precise retransmission of the neumatic chants, testifying of a high level of professional skills on the part of the church singers, the oral forms of singing differ by a greater variability in regards to the canonic specimen. Many of the changes of the chants in terms of intonation and style take place as a result of a strong influence of the "napevka" or incantation. The established singing by rote of "one's own"

customary version of the specimen generates in the context of the church service several variants of the reading of one and the same monadic model. In the choral chants performed by the "napevka" or incantation (on the formulaic "poglasitsa" or melodic formula in church service "Svete tikhii" ["Quiet Light"], "Velichit dusha moya Gospoda" ["My Sould Doth Magnify the Lord," stikharas for the "samoglasen," etc.) a systemic presence of sections of textural and melodic poly-strata have been discovered. The elucidation of the genesis of the Tomsk church singing tradition made it possible to utter the hypothesis about the integration within it of various local sources pertaining to one confessional group: the Bolshoye Plosskoye village in the Odessa Region, the convents of Myass and the preserved musical tradition from Tomsk itself.

The totality of the revealed qualities in the broadest sense is defined as the "Tomsk napevka," the study of which opens up the perspectives of further research in the sphere of Siberian church music.

Keywords: the Siberian Old-Believers, the Russian Orthodox Christian Old-Believers' Church of the city of Tomsk, liturgical service, oral local church singing tradition, napevka

Светлова Ольга Александровна

кандидат искусствоведения, проректор
по научной и творческой работе,
доцент кафедры истории музыки
E-mail: svetlolga@mail.ru
Новосибирская государственная консерватория
им. М. И. Глинки
Российская Федерация, 630099 Новосибирск

Olga A. Svetlova

Candidate of Arts, Pro-Rector for Research
and Creative Work, Assistant Professor
at the Music History Department
E-mail: svetlolga@mail.ru
the Novosibirsk State M. I. Glinka Conservatory
Russian Federation, 630099 Novosibirsk

